Испуг

Рассказ

1

НАВОЖУ НА НЕГО ствол, даже не целясь. Ладонь сразу становится влажной, вытянутая рука дрожит. От этого ещё страшнее — и ему, и мне. Рядом Женька. Конечно, Женька. Если бы не он, никогда бы я не отважилась угрожать пистолетом худому невзрачному гастарбайтеру. Это таджик? Узбек? Или кто-то ещё? Не знаю, я их не различаю.

Мы отловили его далеко от дома, чтобы никогда больше не встречать. Я показала пистолет, Женька кивнул на кусты, и он пошёл с нами. Сейчас у него от страха бегают чёрные, переставшие быть масляными глаза.

— Нэ нада, нэ нада, — только это и повторяет, как заведённый.

— Нэ нада, — передразниваю его, — а к девушкам на улице подходить надо? Заговаривать с ними надо? А людей грабить по ночам надо? Сволочи! Совсем страх потеряли!

— Нэ нада, нэ я! Нэ я! Я нэ знай ничево!

Он смотрит на Женьку. Он его боится. А меня — нет, даже с этой дурацкой игрушкой — нет. Я же говорю, они как звери, боятся только сильных. А я для него — никто.

— Не ты, потому что возможности не было! А была бы, никого бы не пожалел! Не так, скажешь?

— Нэт, нэт, — трясёт головой.

Врёт. Такие, как он, уже два раза в этом году вечером подкарауливали моего отца, когда он возвращался с работы. Не здесь, в посёлке, а в подмосковном городе, где живут мои родители. Два страшных вечера мама ждала его домой. Он приходил, поздно. Я вскакивала с кровати, когда щёлкал дверной замок и раздавался мамин вскрик. И видела в коридоре родное лицо, разбитое тяжёлыми ботинками, и кровь на куртке, и кровь на линолеуме. Мама вела его в ванную. Мне говорили: уйди, закрой дверь. Не хотели, чтобы смотрела. Но я всё видела. Потом он заново оформлял документы, менял замки, покупал бумажник и телефон.

Да, я знаю, этот чёрный тут ни при чём. Но здесь-то, здесь, в посёлке... Сейчас лето, везде строят дачи, и таких гостей зарубежья у нас как поганок в лесу. Мимо нельзя пройти, не услышав какой-нибудь дряни. Иногда идёшь утром на станцию, по посёлку или уже по лесу, а навстречу тебе человек десять таких — тоже на работу идут — ну, здравствуй, Красная шапочка. Избежать этих встреч невозможно. И остаётся только

идти, глядя строго перед собой, чувствовать, как деревенеет шея под их взглядами. И уж конечно, никуда не сворачивать с дороги, не шарахаться в сторону. Дёрнешься, покажешь, что боишься, и будет хуже. Они не тронут, нет. Просто проходят мимо — близко, слишком близко. Просто смотрят, и этого уже достаточно.

Вспоминая всё это, хочу сильнее разозлиться. Но вдруг и гастарбайтер, и зелень листвы начинают расплываться перед глазами. Горячая влага течёт по щекам. Женька, увидев это, забирает у меня пистолет. Чёрный опять разражается бесконечным:

— Нэ нада, нэ нада...

— Бегом отсюда!

Он бросается мимо нас к шоссе. Мы, не спеша, идём следом. Пистолет Женька уже убрал в рюкзак. Это его старый пугач. Он не заряжен, и, по-моему, даже не стреляет. Впрочем, я и не собиралась. Это была только тренировка.

На дороге никого. Работяга, наверно, до сих пор бежит или спрятался где-нибудь. Бедняга, он, может быть, вообще никогда и никого... Но это уже не имеет значения.

Женька критически осматривает меня.

— Так, пушку заменить.

Чмокает в покрасневший нос.

— И не реветь.

2

МЕРНО, УСПОКАИВАЮЩЕ гудит мотор электрички. Из открытой форточки обдувает ветром. День был жарким, это первая волна свежего воздуха. В вагоне немного народа, следующая — конечная.

Мы с отцом сидим друг напротив друга. Он смотрит в окно, на быстро темнеющее небо, на зажигающиеся фонари. Я не знаю, о чём он сейчас думает. Зато точно знаю, что волнует меня. У Жени в столе лежит резинострел «Сталкер». Мы купили его только вчера. Разрешение на ношение он начал оформлять ещё весной, сразу после второго случая с папой. Пистолет куплен на его имя. Но носить его буду я. Стрелять ещё не пробовали, только подержали в руках, примерились. Через пару дней приеду — потренируюсь. Мысль о нём тревожит, не даёт покоя. Хочется поговорить.

— Пап, а ты никогда не думал купить себе оружие? — с места в карьер.

Он смотрит удивлённо.

— Я имею в виду травматическое, не боевое, — поясняю.

— Нет, не думал.

— Почему?

— Лишнее это...

Знала, что не захочет. Просто так спросила. У него нет времени оформлять бесконечные бумажки, чтобы получить разрешение, лицензию. Но дело даже не в этом. Просто он считает, что сильный, что ему не нужно.

Он сильный, это правда. Я оглядываю полупустую электричку. Он однажды рассказывал, со смехом, как шутку, что в такой же вот вечером к нему подошёл здоровенный детина, представился контролёром и потребовал билет. Отец показал. А тот ему — недействительный, хватает и тащит из вагона. Никто, конечно, не возмущается. И уже в тамбуре, когда электричка остановилась, отцу удалось отпихнуть этого бугая на станцию. Двери закрылись. Отец остался в вагоне. У меня замирало сердце, когда он говорил. Ведь было же и по-другому. Ведь было же, было...

Мы уже в городе, идём по освещённому фонарями проспекту. До нашего дома три остановки, но мы идём пешком — дышим вечерним воздухом. Мимо большого супермаркета, фитнес-центра — пять лет назад их тут в помине не было. Потом банк, парикмахерская. Чем хорош маленький город, так это тем, что до всего рукой подать и всё знакомое. Сбоку возникают маленькие двухэтажные домики. В своём роде они — раритеты, где ещё найдёшь такие. Там внутри всего по четыре квартиры. Не представляю, как это — жить в таком доме. Снаружи всё выглядит полузаброшенным — облупленные стены, потрескавшиеся рамы, косые трубы доисторического водопровода. Внутри, наверно, ещё хуже. Я рассматриваю их внимательно не только из любопытства. Дело в том, что здесь можно свернуть, пройти дворами и выйти почти к нашему дому. Это здорово сокращает путь. Так поступают многие, кто вечером торопится с работы. И где-то тут, между этими домами на отца и нападали. Говорят, тут живут чёрные, помногу в каждой квартире. Может быть, это они... Но может, и нет. Я не знаю, кто.

Ещё пять минут ходьбы и, наконец, дома. Нас встречает мама. На столе ужин, за столом семейные разговоры, под столом краса и гордость всей семьи, кот Рыжик, самый любимый и самый послушный мамин ребёнок. Как хорошо вернуться домой.

Я отзваниваюсь Женьке. Да, дома. Да, всё хорошо. Угу, ага... Тоже... Тоже... Пока. Целую. И сразу ложусь, завтра вставать рано. Но сон не идёт долго, как всегда бывает, когда его ждёшь. Мысли — о работе, о пистолете, о Жене и ещё о многом переполняют голову. Ворочаюсь минут

сорок. И слышу, у меня открыто окно, на нём только сетка, чтобы Рыжик не вылез, слышу, как во дворе, семью этажами ниже, в маленьком дворике, зажатом четырнадцатиэтажками, надрывно орут кошки. Маааяяяв, мяяяяв. Потом тишина. И снова. Тот же голос или уже другой? Мяяяяя — до визга в ушах, так, что внутри всё сжимается. Да что же это?.. Подхожу к окну, но темно, не видно, что там происходит. Может, их кто-то обижает, или они так друг с другом?

Кошек у нас во дворе много. Возвращаясь с работы, я вижу их мельком — сидящими под машинами или возле подъездов. Но они тотчас убегают, стоит только подойти ближе. Несколько, может штук пять, живут в подвале нашего дома. Зимой они были котятами, мама рассказывала об этом. Женщины, наши соседки по подъезду, помогли им. И котята выросли, тех женщин они признают, подпускают к себе, а других людей, меня например, — нет. Есть и другие, из соседних домов. Как они живут, вернее, выживают, я не знаю. Иногда утром я вижу, как их кормят во дворе. Мне тоже хочется подойти, но я всегда прохожу мимо, всегда тороплюсь. Или просто так думаю, что тороплюсь. Потом говорю себе, ладно, я же здесь почти не живу, ну, их же кормят другие. Но сейчас, когда я слышу их вопли, просто не выдерживаю — хочется вскочить, побежать туда. Только ничего не получится. Родители поднимут шум — куда, темно, поздно. Они так боятся темноты. Мы все боимся темноты. Да, и, прибежав туда, я увижу лишь серые тени. Они бросятся врассыпную от моих шагов.

3

СЕГОДНЯ воскресенье. Никуда не надо спешить. Чудесная погода — тёплая, солнечная. Середина августа — время, когда всё созревает или расцветает последним в этом году, самым ярким цветом. Яблоки в саду налились красным. А в высокой, ни разу не полотой за лето траве качают тяжёлыми головами первые астры и георгины. И днем ещё жарко, а по ночам уже холодно, окно надо закрывать. И осы кружат по дому и тычутся в стёкла, ища место на зимовку.

Я выхожу на террасу, подтягиваюсь на балке, распрямляю все согнутые за неделю косточки и спускаюсь в сад. По мокрой траве иду в самую глубь, к старым яблоням с причудливо изогнутыми, узловатыми стволами. С другой стороны двора слышится мерное «тюк-тюк», «тюк-тюк», это Женька колет дрова. Значит, вечером будут шашлыки.

На брёвнах под яблонями два пакета. В одном куча пивных банок, в другом — пистолет. Всё это Женька принёс сюда утром. Вынимаю банки, расставляю на брёвнах. Сейчас грохоту будет. Последним вынимаю «Сталкер». Беру его осторожно, как гадюку в банке. Такую раз притащили мальчишки из деревни, мне было десять лет. Она пыталась распрямить кольца и билась мордой в стекло. Кто не хотел брать банку в руки, объявлялся лохом. И сейчас — так же, держу его двумя руками — за ствол и рукоятку. Потом правую руку кладу, как было нарисовано на картинке в инструкции, — три пальца вместе, указательный на курке, большой охватывает ствол с другой стороны. Несколько секунд рассматриваю то, что получилось. Рука как не моя. Хотя держать удобно, он небольшой по размеру и лёгкий, где-то полкило. Продавец говорил, что этот — один из самых лёгких. Поднимаю и опускаю руку, привыкаю к ощущениям. Потом вытягиваю её и навожу на банки. Прицеливаюсь. Нет, не стреляю. Надо ещё с предохранителя снять. Боже...

Щёлк, щёлк — чуть слышно клацает курок, когда нажимаю. Тут же хлопок. Я боялась сильной отдачи, но её нет, рука почти не смещается. В общем, всё хорошо, только все банки пока на месте. Ни разу не попала.

Женька пришёл посмотреть на мои успехи. Оглядел ровный ряд банок.

— А чего ты их так низко? Я думал, на ветки вешать будешь.

— Я тогда вообще никогда не попаду, — растерялась.

— Хотя правильно, стрелять-то по ногам будешь...

Умничает. На самом деле я вообще не думала о том, куда буду стрелять, если всё будет по-настоящему. А ведь придётся — и смотреть, и целиться, и выбирать, куда выстрелить. Пытаюсь представить на месте банки чью-то ногу. Нет, я так вообще не могу, всё разлаживается.

Женя всё ещё наблюдает.

— А может, тебе ближе подойти?

— Куда ближе-то? Тогда уж проще пистолет грабителю отдать — на, сам застрелись.

— Ладно, — жмёт плечами, — тренируйся.

— А ты не попробуешь? — протягиваю пистолет, рада избавиться.

— Ну, давай.

Он встаёт на моё место на утоптанной траве. Поднимает пистолет, как я, целится. Три громких хлопка, и банки с грохотом летят на землю.

— Видишь, всё просто... Главное — уверенней.

Ну да... Ищу разбросанные в траве пули. В третий раз перезаряжаю обойму.

Но вот, конец моим мучениям. С террасы раздаётся голос Жениной мамы:

— Дети! Завтракать!!!

Идём в дом.

4

МЫ СИДИМ на веранде, смотрим в сад. Ждём грозы, она скоро будет, судя по духоте и быстро наползающим облакам. Вокруг тишина, только в траве тревожно щёлкает цикада или кузнечик. Тоже, наверно, грозу чувствует. Я пью чай, Женька возится с трубкой, что-то там из неё вычищая ёршиками, набивая табаком. И параллельно выговаривает мне:

— ...сама понимаешь, что пистолет в кармане ещё ничего не значит. Ты должна быть готова вытащить его и выстрелить. Быстро и точно, иначе будет только хуже.

— Я знаю, я всё это знаю.

Массирую правую руку, от стрельбы болят мышцы. Мы тренируемся уже несколько недель по выходным. Всё это странно — пистолет, тренировки. Какая-то другая, не наша жизнь.

— И ты должна понимать, когда можно его вытаскивать, а когда нет. Всё зависит от ситуации...

Всё это простые, банальные вещи. Но от них начинает болеть голова. Не хочу всё это слушать. А он выговаривает, выговаривает и смотрит так тревожно. Что с ним?

Я на него сначала удивлялась. Согласился на покупку пистолета. Тренироваться помогает. Серьёзно обсуждает, чем травматик лучше шокера или газового пистолета. Но всё время как будто чего-то ждёт. Что я испугаюсь и брошу это дело? Но ведь, если бы он не помогал, я бы давно бросила. Получается у меня пока плохо, и он не доволен. Но мы не прекращаем. Я знаю, зачем всё это надо мне. Но зачем ему?.. Когда я об этом подумала, то поняла, он тоже боится — за меня. Так же, как я переживаю из-за отца.

Всё дело в страхе. Он чёрной змейкой заползает однажды в сердце и остаётся там навсегда. С ним приходят жестокость, злоба, безрассудство. Мы оба стараемся быть спокойными. Это просто тренировки, пистолет — оружие самообороны, я должна уметь им пользоваться. Мы так решили.

Чтобы привыкнуть, ношу его с собой каждый день. Пули перекатываются по дну сумки вместе со всякой ненужной мелочью, постоянно на них натыкаюсь, когда лезу за кошельком или проездным. Сам «Сталкер» во внутреннем кармане сумки. Когда одеваю её на плечо, кажется, что чувствую его под ребром. Но этого не может быть, он слишком мал. Он не заряжен, магазин лежит рядом. Заряжаю, только когда подхожу к лесу или на дороге, когда никого нет. Не потому что боюсь, — я чёртову прорву времени ходила здесь без него и ничего не случилось. Но я должна тренироваться стрелять и перезаряжать. Это легко получается, когда я одна и руки холодные и не дрожат.

Иногда мы возвращаемся с Женькой, болтаем, смеёмся, и тогда я вообще про него забываю. Иногда я вспоминаю о нём перед металлодетекторами кинотеатров или магазинов и резко разворачиваюсь, кляня его на чём свет. Или на работе, отчаянно переворачивая всё в сумке, ища разрывающийся от звонка телефон, ловлю себя на мысли, что вот сейчас выверну её на стол и тогда...

5

Я СЕГОДНЯ у родителей. Сижу на диване, скрестив ноги. Возле уха — телефонная трубка, из неё — Женькин голос. Я звоню ему каждый вечер, когда не у него. Это — обязательно. Обычные вопросы. Как работалось? Что нового? Обычные ответы. Всё хорошо.

Кладу трубку. Иду к себе в комнату. Надеваю джинсы, широкую кофту с капюшоном. Я сегодня иду на день рождения — это для родителей, я им так сказала. Для Жени я дома, сплю. На самом деле хочу выйти и пройтись до станции.

Я уже готова. Пистолет, на всякий случай заряженный, в кармане кофты. Удобная кофта — карман на животе, и руки можно с двух сторон засунуть. Туда же кладу паспорт, вдруг милицию встречу, и телефон. Главное — не перепутать, когда что доставать.

Я уже завязываю шнурки, когда в коридор выходит мама — проводить.

— Ты чего так скромненько...

Имеет в виду одета, я же на день рождения.

— Так свои все соберутся.

— Аа. Ты сегодня вернёшься?

— Не знаю пока...

— Если сегодня — позвони. Мы с папой тебя встретим. А лучше оставайся у Оли. Телефон её оставь на всякий случай.

Нервничать начинает. Не любят они меня по вечерам отпускать. Даже сейчас, когда лет уже ого сколько. Быстро надо, а то сейчас заведётся...

— Всё, пока, я побежала.

— Телефон...

— В книжке есть, я сама позвоню, — чмокаю мамину щёку и хлопаю дверью.

Пусть попробует найдёт его в этой книжке. В лифте ещё раз достаю телефон — половина двенадцатого.

Улица встречает меня тёплым, ещё не остывшим воздухом. Темно, фонари только на проспекте. Но мне сейчас не туда. Мне — перейти улицу и наискосок, вдоль магазинов, мимо детского сада, к маленьким двухэтажным домикам. Иду быстро, как всегда, наслаждаясь ходьбой. Ноги в кроссовках чуть пружинят от асфальта. Над головой в такт им подпрыгивает иссиня-чёрное небо и тёмная листва. Красивая ночь. На улицах малолюдно, как всегда в это время. Народ тусуется в основном в нескольких барах на проспекте. Впрочем, у круглосуточного магазина, который я сейчас прохожу, тоже сидят несколько компаний. Выпивают, немного шумят. Но это не те, эти — просто отдыхают. Мне нужны другие...

В голове постепенно оформляется маршрут: сначала к двухэтажкам — пройду по дворам и, если там никого, к станции. Сейчас без двадцати, успею встретить три последние электрички из Москвы.

Вот и дворы. Подхожу сбоку, из-за угла дома. Сначала прислушиваюсь — тихо. Прохожу вдоль подъездов — никого. И на лавочках пусто. Нет, в подъезды заходить не буду, ещё не хватало. Несколько раз перехожу из одного двора в другой — с каждым разом всё смелее. Никого. А свет в окошках горит. Большей частью они занавешены. Но вот одно без штор, и я вижу, как какая-то тётенька выставляет на подоконник кастрюли, вазочки. Обычная такая тётенька, в халате. Русская по виду. И толпы гастарбайтеров рядом не видно. Ну что, на станцию?

До неё одна небольшая улочка. Здесь только частные дома за заборами. И тоже ни души. Людно здесь бывает, только когда приходит электричка. Это короткий путь до проспекта.

Я опять начинаю волноваться. Сердце колотится так, что отдаёт во всём теле, дышу глубоко, как всегда, когда боюсь. Надеваю капюшон, руки сую к пистолету. Уверенности он не прибавляет, даже наоборот... Но вот уже платформа. Сейчас должны быть две электрички — до Москвы и обратно. Я сажусь на лавочку. С шумом проносится на Москву. После её ухода платформа быстро пустеет. Слышу громкий разговор на другом конце платформы. Там остановка первого вагона. А тут — никого. Сижу жду.

Вот она, из Москвы. Подкатила, протяжно ухнула. Изрыгнула порцию уставших, торопливо выпрыгнувших людей и с грохотом скрылась в темноте.

Я жду, пока схлынет первый поток народа, и пристраиваюсь в хвосте. Иду, смотрю по сторонам. У людей вокруг опущенные головы и болезненно быстрые шаги. Торопятся домой. Такой вот группкой и проносятся по улочке с частными домами, а после рассыпаются кто куда. Мне интересны те, которые пойдут «моим» путём. Примечаю нескольких и иду следом. Мужчина и женщина поодиночке ныряют в один из дворов. Наблюдаю, как они преодолевают этот опасный участок и растворяются в толпе на другой улице. Пока всё спокойно. Надо возвращаться.

Вновь устраиваюсь на своей лавочке. Я забыла позвонить маме, хотя сейчас не стоит. Через полчаса последняя электричка, встречаю её и сразу домой. Тогда и позвоню. А сейчас телефоном лучше не светить. И точно. По платформе идут двое. Прямо ко мне. Один старый, другой помоложе. Одеты небрежно, не бомжи, не нормальные люди, а так, что-то среднее.

— Слышь, пацан, угости сигареткой, — это молодой.

Ну, началось. Мотаю головой — нету.

— Чирик дай... чирик... — хрипит старый.

Опять мотаю головой. Обе руки в кармане, как приросли к пистолету. Стрелять я не могу.

Они меня рассматривают. Долго. Минуты две. Потом молодой кивает на соседнюю лавочку, и они отходят туда. Старый что-то достаёт из кармана куртки. Мне отсюда не видно что. Вдруг молодой оборачивается и кивает мне:

— Будешь?

Ещё раз качаю головой. Даже дышать боюсь слишком громко. Не верю, что повезло. Они отвернулись и больше не обращают внимания. Вот так, сигарет у тебя нет и денег тоже, — ну, давай хоть нальём.

Сижу как в тумане, с испуга, наверное. И кажется, встать на ноги больше не смогу. Хоть до утра тут оставайся. Но вот засветились огни электрички. Во второй раз народ побежал по узкому коридору улочки. И я — за ними. Эти бегут ещё быстрее предыдущих. Вот так всегда, бежим, торопимся, успеть куда-то хотим. А в результате рискуем. На проспекте опять все рассыпаются. А я вижу милицию. Двое неторопливо идут к круглосуточному магазину. И дальше него не пойдут ни за что. Это их привычный маршрут, несмотря на заявления пострадавших, жалобы и прочую ерунду.

Я снова на лавочке. Тех двух уже нет. Скоро домой. Мой взгляд скользит по бетонной стене, она тянется параллельно платформе, разрисо-

ванная яркими граффити. И вдруг я вижу... их. Я уверена, что это они. Несколько теней, вжавшихся в стену. Почему я так думаю? Не знаю.

Подошла последняя электричка. Иду с толпой, на этот раз не в хвосте, а в середине.

— Алло, мам, это я. Через пятнадцать минут буду.

Краем глаза замечаю, как несколько теней скользят сбоку, параллельно толпе. Я вижу их, потому что знаю, где смотреть. Я знаю, что они здесь. И я видела их раньше.

Один из таких шёл за мной зимой, я помню. Первая мысль, что это случайно. Просто кто-то идёт следом на расстоянии. Но как-то уж очень в шаг попадает. Останавливаюсь у палатки, и шаги сзади тоже прекращаются. Оборачиваюсь чуть-чуть — просто мужик, в кожаной в куртке, без шапки. Стоит смотрит не на меня, а вбок. И всё. А впереди — обледенелый проход во двор моего дома. И не поздно, часов одиннадцать. И прохожие ещё попадаются. Но на этом льду он меня толкнёт и отберёт сумку. Я по инерции отхожу от палатки, и опять шаги сзади. Снова оборачиваюсь, сжимаю крепко сумку и жду, когда подойдёт. Ну, отними. И он проходит мимо. Сбоку, не поворачивая головы, бросает вскользь: «Испугалась?..» Голос с нерусским акцентом. Вот если бы мне тогда пистолет, ни секунды бы не колебалась. Такая злоба душила, что даже в спину бы стреляла. И не из-за сумки, конечно, нет.

Я подхожу к подъезду, только сейчас осознав, как устала и как разрывается моя голова. У подъезда замечаю одинокую фигуру. Это меня встречает мама. Мамочка.

6

РАЗГОВАРИВАТЬ с Женей снова мы стали только в пятницу. До этого он на меня обижался. Главное, не хотела ему про этот свой поход ничего говорить. Но всё рассказала на следующий же день по телефону. Он кричал, ругался. Говорил, что ду... Ну, в общем, неправильно поступила. Потом обиделся. А я не извинялась и ничего не объясняла. Молчала в трубку. Мне казалось, всё было понятно. Мне всегда так кажется, когда я не могу что-то объяснить словами. Ну, не могу, и всё тут.

Я осталась дома на всю неделю. Взяла на работе оставшиеся от отпуска дни. Было холодно, дождливо. Телефон молчал. Идти никуда не хотелось. Я лежала и смотрела на белую штукатурку потолка и стену с обоями в цветочек. И эти обои такие лёгкие были, светлые, но всё равно почему-то давили — на глаза, на мозги, на всё тело. Я закрывала глаза и засыпала.

А потом погода наладилась. Я вышла из дома, прошлась по городу. Это был первый раз, пожалуй, за два года, когда я увидела его при свете дня. Приезжаю поздно, а выходные — всегда у Жени. Теперь я увидела весь город, а не просто дорогу от дома до станции. Я отвыкла от него, он отвык от меня. Я забыла, как и чем он живёт. Но это был мой город, тот, что я помню с детства. Со всем, что я люблю, к чему привыкла.

Я сшила новые платья всем своим куклам. Кормила во дворе кошек. Просто вышла как-то утром с пакетом корма и подошла к женщинам, вокруг которых сидело несколько кошек. И уже скоро я знала их по именам, они бежали ко мне, когда видели во дворе. Страхи оказались напрасными, им тут очень даже неплохо. Ну, по сравнению с тем, о чём я думала.

Женя позвонил в воскресенье.

— И обязательно было так рано, — зеваю.

— А, спишь! А я теперь ночами не сплю, думаю, где ты там с пистолетом бегаешь?! Между прочим, с моим!!!

— Прости... — начинаю.

— Простил уже. Ты мне только одно скажи, пожалуйста, — голос звенит от злости, — почему ты меня не попросила с тобой пойти? А ещё лучше без тебя? Ну почему?

— Боялась, что тебя, как папу...

— А за себя ты не боялась?

— Но я же никого не тронула бы, я же ничего не сделала, — у меня дрожат губы.

— Давай ссориться не будем, — неожиданно и спокойно, — когда ты приедешь?

— Уже...

И, вмиг окрылённая, бегу собираться.

Калейдоскопом промелькнули станция в городе, потом вокзал в Москве, метро. И вот другая электричка, уже от Москвы. Я еду к Женьке. Здорово.

Народу немного, солнце светит. Я сижу у окна. Уже миновали станции, заполненные домами, магазинами, ларьками. За окном, на железнодорожной насыпи море цветов. Жёлтые, сиреневые, лиловые, — тяжёлыми снопьями лежат они друг на друге. Это — последние дни августа. Самые тёплые, самые золотые.

С соседней лавочки доносится взрыв хохота. Там несколько мужчин с пивом, водкой, чём-то ещё. Когда они смеются, то смотрят на меня. Они зашли на следующей после Москвы остановке и сели ко мне на лавочку, хотя было полно пустых. Я пересела. И вот уже двадцать минут сворачиваю себе шею, глядя только в окно. Не смотрю в их сторону, потому что знаю, они смотрят в мою.

Да, ерунда, конечно. Ну подсели, ну пересела, — ничего особенного. Они же ничего не сделают, — ни эти, ни другие. Просто будут смотреть и подходить близко, слишком близко, чтобы только увидеть, что боюсь. Будут вытягивать из меня страх, если не могут получить ничего другого.

В сумке бесполезный «Сталкер», я про него опять забыла. Хотя, что толку, стрелять я не могу, а пугать — не напугаешь. Один из мужчин встаёт и направляется к тамбуру. Я поднимаюсь тоже. Сейчас моя остановка. «Улю-ю-лю-ю» — это я прохожу мимо оставшихся в вагоне. Спокойно. Подъезжаем к платформе. Я выхожу в тамбур. Тот, который вышел первым, — там. Стоит, никуда не делся, смотрит на меня.

— Уходишь уже? — обдаёт перегаром.

Я могу просто не заметить. Могу пройти мимо. Меня уже ждёт Женька, только что видела его на платформе. Я поворачиваюсь лицом к дверям. Вижу в стекле своё отражение и дальше того, кто стоит у меня за спиной. Поезд вздрагивает, останавливаясь. И тут что-то случается, что-то происходит со мной.

Разворачиваюсь, быстро достаю травматик, поднимаю руку. Вижу изумлённое лицо напротив. Он замер, не пытается закрыться. Или это только кажется? Расстояние — чуть больше метра. Щелкаю предохранителем и жму на курок. Хлопок, тут же крик, всё громче, громче... Но я уже поворачиваюсь к раскрывшимся дверям и шагаю на платформу.

Стрелы Огнебога

Рассказ

1

КУК ВЕРНУЛСЯ из учебки, рано и сразу принялся за дело. Надо было соорудить ножны. Он вынул из стола лоскуты, оставшиеся от материной кожаной сумки. Большую её часть он израсходовал на прошлой неделе, когда пытался сшить мокасины. Неуклюжие чехлы, получившиеся вместо них, валялись сейчас под кроватью. С ножнами было проще. Он расправил самый большой из лоскутов, положил на него нож и аккуратно обвёл мелом силуэт, оставляя достаточно места для шва. То же самое он проделал со вторым куском кожи. Вырезал две половинки и соединил, протыкая дыры шилом и пропихивая в них суровую нитку. К получившемуся чехлу с двух сторон пришил по узкой полоске, чтобы крепить на пояс. После взял нож, засунул в чехол, повертел на вытянутой руке, рассматривая. Получилось не очень — кривовато и там, где проходил шов, кожа собиралась в складки.

Зато сам нож был замечательный. Не какой-нибудь складной, а настоящий охотничий — из цельного куска металла, с припаянной поверх деревянной ручкой. На клинке тонкими чёрными линиями были выведены рисунки: мчащаяся колесница с бородатым возницей с одной стороны и такие же бородатые нахмуренные воины с мечами наголо с другой. Надпись с обеих сторон была одинаковой — «Скиф». Самое то. Ножен с ним не купили. Мать и так ворчала — баловство.

Кук так увлёкся работой, что не заметил, как стемнело. Очнулся, только когда в прихожей загремели ключи. Он быстро сгрёб в стол следы своей работы и вышел в коридор. Мать уже сняла пальто, сапоги и шла к нему.

— Не ел ещё?

— Неа...

Устало кивнула и хлопнула дверью в ванную. После неё в коридоре остался запах, знакомый Куку с детства. Тогда он, приведённый соседкой из детского сада или школы, подолгу сидел один. Он не шумел, не играл, терпеливо ждал, когда вернётся мать. Когда щелкал дверной замок, он выходил в коридор. Обнимая её, он чувствовал запах, шедший от пальто, — горечь лекарств и едкую свежесть хлорки. Он не знал, что так пахло в больнице, где она работала санитаркой. Для него это был её запах — родной, самый любимый. Сейчас он уже не ждал её, иногда приходил домой поздно, а запах оставался всё тем же.

Мать вышла из ванной в халате и тапках, прошаркала на кухню. Зашумела там водой, загремела посудой. Кук всё ещё стоял в коридоре и прислушивался. Каждый негромкий звяк был ему укором — не прибрался и посуду не помыл, ведро не вынес. Кук вспомнил, что не ел с утра. Когда пришёл домой, занялся ножнами, а об обеде забыл. В желудке сразу заурчало. Он сел на корточки и стал дожидаться, когда позовут. Минут через пятнадцать она выглянула в коридор:

— Иди...

2

РАННЕЕ СУББОТНЕЕ утро застало Кука за сборами. На кровати была аккуратно разложена холщёвая рубаха с вышитыми по краям красным шёлком колёсиками «посолонь». Такое же колесо, только крупнее, располагалось на груди.

Рубаху он купил задорого на прошлом, московском съезде. Рядом на кровати лежал убранный в ножны «Скиф». Кук несмело, неуверенно улыбнулся, ещё раз провёл ладонью по вышивке на рубахе. Потом аккуратно свернул её и положил вместе с ножом в рюкзак. Там уже были спальник, шерстяное одеяло, термос и наготовленные мамой бутерброды. Оглядел комнату, проверил, не забыл ли чего. Поднял рюкзак и вышел в коридор. Мать завтракала на кухне, собираясь на дежурство.

— Пока, я поехал.

Взглянула чуть укоризненно, устало. Между ними давно всё было высказано, выспорено, выругано, и начинать снова не было сил.

— Ну, с Богом. Посиди на дорожку.

Кук протиснулся в узкое пространство кухни и уселся на табурет. Мать смотрела на его короткие торчащие почти вертикально волосы, худые плечи, вглядывалась в беспокойно бегающие глаза. Она не знала, хорошо или плохо, что сын общается с этими странными людьми. Хотела ещё что-то сказать — осторожней, береги себя. Но не стала. И только мелко крестила сначала спину, оттянутую рюкзаком, потом захлопнувшуюся за Куком дверь.

3

ДАЛЬШЕ ДОРОГИ не было. Автобус, громыхая всеми имевшимися железяками, круто развернулся на пятачке и покатил обратно в город. Кук осмотрелся. Справа и слева, спереди и сзади тянулись поля сухостоя, чуть припорошенного снежной крупой. Ноябрь только начинался, и настоящие холода были впереди. Но разгулявшийся ветер и сухой колючий снег, который он приносил, делали всё вокруг зябким и неприветливым. Увидев, наконец, вмёрзшие в землю следы колёс, о которых говорил Велеслав, Кук зашагал по ним вглубь полей.

Эта колея осталась от любителей отдохнуть на природе, ездивших сюда летом из ближайшего города — Калуги. Велеслав и остальные ребята из общины страшно ругались на приезжавших за то, что те жарили шашлыки и мусорили на капище. Те тоже не любили неоязычников, называли их ненормальными, сектантами, а то и фашистами. Капище они называли просто поляной и однажды оставили целую кучу презервативов перед деревянной фигурой Рода. Специально повытаскивали и накидали, издёвки ради.

Впереди показалась кромка леса. Это означало, что скоро он должен был выйти к реке и увидеть церковь. Она стояла на противоположном берегу и должна была послужить основным ориентиром. Капище было почти напротив, на этой стороне реки.

Всё это Кук знал со слов Велеслава, сам же никогда здесь не был. Да и на сборе был всего однажды, когда тот проходил в Москве, в Коломенском парке. Тогда его тоже позвал Велеслав. С ним и другими ребятами из общины он, Саша Куканов, пересекался в училище.

Кук всё ещё шагал параллельно лесу, вглядываясь, не блеснет ли впереди, за полем, серая гладь реки. Он шёл небыстро, потому что успел устать. Ранняя дорога сюда, сначала на электричке, потом в автобусе, утомила его. Он очень обрадовался, когда увидел, наконец, берег и белые стены храма.

Теперь надо было свернуть прямо к лесу, и, если верить Велеславу, поляна должна была «сама его найти».

4

В ГЛУБИНЕ поляны, у самого леса, стояла деревянная фигура. Большую часть занимала мощная борода, из которой проступали черты лица — чётко вырезанные брови, прямой нос, широко открытые, но ничего не видящие глаза. Волосы лежали на могучих плечах. Внизу из бороды выглядывали руки, пальцы сплетались между собой. Это было изваяние Рода, божества, от которого по преданию пошли славянские племена.

Перед ним лежало несколько срубленных стволов деревьев. Рядом на корточках сидели двое ребят. Они орудовали топорами, разрубая стволы на несколько частей и обтёсывая получавшиеся полешки.

Кук подошел ближе.

— Здорово, мужики!

Они обернулись. Велеславу было лет пятнадцать на вид. Кудрявые волосы вились вокруг детского круглого лица. Вокруг лба они были повязаны кожаным ремешком. Под правым глазом багровел свежий фингал. Он улыбнулся Куку. Но поздоровался первым старший парень, Кук знал, что это — Перко, жрец калужской общины.

— И тебе поздорову, — сказал он степенно, на славянский манер.

Перко было лет восемнадцать. Худющий, с тонкими прямыми волосами почти до пояса, узким, будто тисками сплюснутым лицом и доброй тихой улыбкой, он напоминал Куку Гендальфа.

Перко сказал, что они готовят поленья для крады. Кук уже знал, что это ритуальный жертвенный костёр. Поленья для него складывали особым образом, наподобие сруба избы. Внутри, как в колодце, оставалось свободное место.

Кук присел рядом и стал наблюдать, как они сооружают краду. Получилось красиво — брёвнышко к брёвнышку. Высотой она была по колено.

— Вадим сказал, выше не надо.

5

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ стало совсем светло. На поляне началось движение. Аккуратно двигаясь по колдобинам, сюда пробирались автомобили. Позже их набралось десятка полтора. Вновь прибывшие прохаживались по полю, поглядывая на Рода, на краду, на возившихся возле неё мальчишек. Подолгу смотрели на реку и на церковь. Вид был красивый.

Люди были разной наружности: с длинными волосами и наголо бритые, в славянских рубахах на толстые свитера и просто в кожаных куртках или дублёнках. Они находили знакомых, шумно приветствовали друг друга, обнимались.

Приехал Вадим — невысокий энергичный мужичок с короткой стрижкой и пышными усами, глава калужской общины. Откуда-то сразу появились топоры, пилы и лопаты. Приехавшие с Вадимом парни направились в лес. Сам он начал что-то энергично объяснять Перко и второму жрецу — Темнозорю.

Все вокруг Кука суетились, что-то делали. Он же бродил в толпе как потерянный, не зная, к кому подойти и за что взяться. Увидев Велеслава, кинулся к нему.

— Ты чего, — Велеслав и сам, видимо, был смущён, но за происходящим наблюдал с гордостью, — много народу, да? Обычно столько только летом собирается, на Купалу и на Перунов день.

— А твои где? — спросил Кук, чтобы не молчать.

— Ты про общинников? Вон, вон ещё, — он начал указывать на людей в толпе, — почти все приехали, ну, те, кого я знаю. И вон ещё.

Он махнул рукой в сторону бритоголовых парней, приехавших с Вадимом.

Они сейчас под его руководством ставили брёвна для большого вечернего костра. Это были целые стволы, припасённые в лесу заранее. Самое большое бревно вкопали в землю как столб, остальные прислоняли к нему, закрепляя, чтобы не рассыпались. Костёр должен был получиться что надо.

Кук наблюдал, как работают парни. Те побросали на землю куртки, оставшись только в рубахах, таких же как у Кука. Все они были в штанах хаки и высоких тяжёлых ботинках.

— Это наши бойцы, — голос Велеслава дрогнул, — знаешь, как дерутся круто?! Я иногда хожу на тренировки смотреть.

Кук подумал, не они ли ставят его патлатому и задиристому другу синяки, с которыми тот регулярно являлся в учебку.

— Слушай, — Кук смущённо помолчал, — я вот всё спросить хочу, а почему вы — общинники? Живёте вместе?

— Не, не живём, — Велеслав тоже был смущён, рассказывать про внутреннюю организацию общины непосвящённым ему было строгонастрого, — не живём, но мы... собираемся вот, обряды проводим...

Он замолчал не потому, что не хотел говорить, малый он был болтливый. Но сейчас затруднялся, не мог объяснить того, что было ясно и понятно, когда говорили другие. Перко, например.

— У Перко лучше спроси, он объяснит.

Но у Перко Кук спрашивать не хотел. Нет, он не боялся, у жреца калужской общины была добрая улыбка, и говорил он всегда хорошо, можно было заслушаться. Кук и слушал, только молча. На интересующие темы он не заговаривал, чтобы не показать своей неосведомлённости — не знаешь, мол, а ездишь. Неловко как-то.

— И вообще, не теряйся. Я скоро...

Велеслав отошёл куда-то в сторону, и Кук остался один.

6

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ приготовления заканчивались. Поляна изменила свой вид. Появился с десяток походных палаток. Возле некоторых на шестах развевались флаги с гербами тех общин, которые присутствовали на съезде. Самой большой была палатка калужан — целый терем. Да в придачу возле неё натянули широкий тент, под которым поставили раскладные столы. Там хозяйничала женщина в дутой куртке с толстой косой, жена Вадима. Предлагала желающим книги, газеты, диски с музыкой. Там же стояли лотки с украшениями, возле которых толпились женщины. Мужчины рассматривали лежащие на столах ножи и охотничьи рога. Кто-то пробовал играть на гуслях.

Возле книг народу было меньше, и Кук решил подойти туда. «Удар русских богов», «На-

следие Велеса», «Еврейский вопрос», «Славяно-Арийские веды» — он бегло смотрел названия. За лотками с книгами Кук увидел Вадима. Предоставив жене самую шумную часть торговли, он устроился перебирать газеты. Аккуратно раскладывал их по стопкам, иногда пролистывал статьи, что-то бурча под нос. Он казался спокойным, даже отрешённым от суеты вокруг, совсем не таким, как полчаса назад, когда бегал по полю с красным лицом, крича и командуя.

— Интересуетесь, молодой человек? — заметил он Кука.

— Да так, — помялся тот.

— Ага, — Вадим кивнул и улыбнулся, — на-ка вот, почитай.

Протянул ему газету. Заголовок гласил «За Русь».

Кук сказал спасибо.

7

ВРЕМЯ БЫЛО уже за полдень, когда Перко затрубил в рог, призывая людей в центр поляны. Вадим уже был там. Он сложил руки рупором и зычно, нараспев кричал:

— Гой, славяне!

Перко и Темнозорь выстраивали собиравшихся широким полукругом. Когда все построились и наступила тишина, Вадим вышел в центр.

— Здравия вам, славяне! Рад видеть вас сегодня. Приветствую московскую и калужскую общины. Отдельный поклон представителям из Минска и Донецка, рад, что смогли приехать. Здравия всем гостям нашим, тем, кто был у нас ранее, и тем, кто сегодня приехал впервые. Ныне праздник у нас, друзья. Заканчивается Сварожья седьмица, и славим мы сегодня Сварога, Коваля Небесного, что куёт в своей кузне плуги для мирного времени и мечи для худого. Славим сегодня и сына его, Семаргла Огнебога, что огнём выжигает всякую скверну на земле. Восславим же...

Вадим продолжал говорить. Кук замер, впитывая каждое слово. Все вокруг тоже слушали внимательно.

— Слава Богам! Слава Предкам!

Вадим закончил речь традиционным воззванием, ударил кулаком в грудь и выкинул руку вперёд и вверх в знак приветствия. Сотни две голосов, где-то столько людей было на поляне, повторили за ним:

— Слава!

— Слава Сварогу! Слава Семарглу! — крикнул Вадим.

— Слава! Слава!

Руки взметнулись вверх. Возникла пауза. И в это время откуда-то сбоку выкрикнули:

— Слава русским людям! Слава русскому оружию!

После этого стало очень тихо. Вадим обернулся и посмотрел туда, откуда кричали. Там неподвижно и безмолвно стояли бойцы.

Обряд продолжился. Вадим вместе с Темнозорем начали обходить полукруг. Подходили к каждому. Вадим поднимал руку:

— Слава Богам!

— Слава Богам! Слава Предкам! — отвечали ему и отпивали из братины, которую держал Темнозорь.

После этого Вадим переходил к следующему.

Куку казалось, что время тянется бесконечно, он не мог дождаться. Наконец, Вадим встал напротив него. Именно этот момент Кук представлял себе так долго. Он здесь, на славянском празднике, в расшитой шёлком рубахе, с ножом на поясе. Это он кричит «Слава!» и принимает из рук Темнозоря тяжёлую чашу.

Но этот момент уже прошел.

— Слава! Слава! — удалялись от него голоса.

И так, пока полукруг не закончился.

Потом Вадим говорил ещё: о помощи, в которой нуждаются общины, о том, что проводить праздники всё тяжелее и тяжелее, что запрещают публичные акции, замучили судами. Благодарил всех, кто помог в организации этого съезда.

Перко и Темнозорь с двух сторон начали обходить полукруг, собирая требу — добровольные пожертвования. К этому Кук был готов. Велеслав ещё перед прошлым съездом объяснял ему, что требу можно отдавать деньгами, они идут в помощь организации, или хлебом круглой формы — караваями, булками и даже печеньем, тогда это будет дар богам. В ладошке Кук сжимал несколько печенюшек и, когда Перко подошёл, высыпал их в мешок.

Весь хлеб сложили в краду, и Вадим поджёг деревянное сооружение. Все вокруг стояли и наблюдали, как лёгкий огонёк пробежал по поленцам, как занялись они и как запылала, наконец, вся крада. Клубы беловатого дыма устремились вверх.

— Боги приняли жертву! — объявил Вадим.

Так закончился первый зачин.

8

В ПЕРЕРЫВЕ КУК опять слонялся в толпе. Подойдя к палатке с дисками и украшениями, рассматривал их между чужих спин.

К поляне подъехала ГАЗель. Её встретили шумными приветствиями. Водитель, высунувшись из окна, рявкнул на всю округу:

— А кто тут, братья-славяне, медовуху заказывал?

Оказалось, что все. Разливали её, живительно-сладкую, в откуда-то взявшиеся стаканы и бутыли. Кроме неё, предлагали квас и горячий чай. Вкусно пахло сдобой.

Отойдя под берёзу, где оставил рюкзак, Кук достал приготовленную матерью еду. Вытряхнул из пакета бутерброды, очистил яйца. Чай в термосе был ещё горячим, значит, до вечера не остынет. С удовольствием поев и попив чаю, он открыл газету, подаренную Вадимом, полистал, но не нашёл ничего интересного. Здесь было о судах, про которые рассказывал Вадим, об организации общины в Киеве, про «Русский марш» в Москве. Кук попытался вчитаться, но скоро бросил.

А возле Рода разворачивалось новое действо. Кук уже видел такое в Коломенском. Темнозорь собрал у желающих кольца, ножи, ключи и другие небольшие предметы и теперь святил их на пепелище крады.

А чуть дальше, у кромки леса, Перко давал всем желающим славянские имена.

— Нарекаю тебя Рысь! Нарекаю тебя Рысь! Нарекаю тебя Рысь!

Получивший имя поднимался с колен и одевался.

К берёзкам, где сидел Кук, подошёл Велеслав.

— Правда, здорово?!

— Нормально, — кивнул Кук.

— А что себе имя взять не хочешь?

— Да у меня есть уже...

— Ну, так это ж совсем другое, это славянское имя, вроде как второе, понимаешь? Будешь там Радомир или Благород.

— Или Велеслав, например? — усмехнулся Кук.

— Ну, можешь и Велеслав, если очень нравится...

— Не знаю, подумаю ещё.

— Ага, думай.

Велеслав снова отошёл.

9

НА ВТОРОЙ ЗАЧИН подожгли большой костёр. Жарко горел он, отгоняя от поляны приближающиеся сумерки и холод. Вокруг него недолго поводили хороводы, нестройно спели пару песен. Постреляли из луков, привезённых Вадимом. Но общего веселья не получилось. Поэтому, когда большие брёвна прогорели и шумно обвалились, подняв столбы искр, народ стал расходиться к палаткам. Некоторые просто устраивались у кромки леса. Там вспыхивали новые небольшие костры.

Кук взял, как и все, головешку из большого костра и пошёл к своим берёзкам. Он хорошо умел разводить костры, поэтому справился быстро. Натаскал ещё головешек, принёс полешки, которые не пригодились для крады. Он приметил их ещё утром. Потом вспомнил, что видел рядом в лесу кучу ветвей. Видимо, их обрубали с тех стволов, которые пошли на большой костёр. Сбегал туда, принёс несколько охапок. Топорик он забыл дома и сначала испугался этого, но потом посмотрел на кучу дров и решил, что обойдётся. Можно было бы прибиться к какой-нибудь из компаний, понятно, что не прогонят, но он очень стеснялся и решил это оставить на крайний случай.

Пока он возился, совсем стемнело. Кук расстелил туристическую пенку, положил сверху спальник, уселся на него и принялся за оставшиеся бутерброды. Допил чай, тот был уже совсем холодный.

Из темноты к костру подошла фигура, закутанная в длинное чёрное пальто. Кук узнал Перко. Тот, видимо, сильно удивился.

— Ну, даёшь! Я тебя ищу, по всей поляне бегаю. Велеслава пытаю, куда друг делся. А ты тут... окопался. Идём к нам! — он махнул рукой в сторону костра невдалеке.

Оттуда доносились взрывы хохота, крепкая ругань. Кук благодарно улыбнулся Перко, но сразу замотал головой:

— Не, спасибо. Я здесь уже устроился.

— Вижу, — кивнул Перко, — ладно, тогда я к тебе.

Вот этого Кук не ожидал. Даже ответить ничего не успел, только сердце радостно подпрыгнуло. А Перко опять исчез в темноте, но скоро появился со спальником, большим пакетом и термосом. Бросил спальник, сел рядом.

— Голодный?

— Не. А можно чаю?

— А как же! — Перко улыбнулся всем своим узким лицом.

Чай был крепким, с лимоном и ещё какими-то травами. От кружек шёл пар.

— Только заварил, — объяснил Перко, — ребята воду вскипятили.

Горячие кружки держали двумя руками, не снимая перчаток. Перко мечтательно смотрел в сторону леса.

— Летом, на Купалу тут хорошо было. Девчонки без ничего купались, через костёр прыгали...

Кук прихлёбывал чай, вглядывался в темноту, туда же, куда и Перко, и представлял себе... Из леса выбегали смеющиеся девушки и парни, искавшие там красный цветок папоротника, через костёр прыгали взявшиеся за руки пары, а в реке плескались девушки в венках, похожие на русалок.

— А вы тут часто собираетесь?

— Мы, калужские, часто. Считай, на все праздники. А остальные — когда как... Ой, слушай, я сейчас... Стой! — он махнул кому-то, идущему между костров.

Фигура остановилась, и Перко поспешил туда. Кук услышал голоса, они удалялись. Некоторое время Кук тоскливо ждал, потом решил укладываться спать. На поляне стало тише, хотя кое-где ещё пели. От костра калужской общины доносились выкрики и ругань. Потом голосов стало больше. Было похоже, что разнимали драку.

— Что загрустил?

Рядом с костром появился Перко. В руках у него были большой изогнутый лук и связка тонких самодельных стрел.

— Пойдём постреляем, пока костры не погасли, — он кивнул в сторону палаток калужской общины.

Там стояли деревянные круглые мишени на треногах. Кук прислушался. Криков и ругани больше слышно не было. Он посмотрел на Перко и осторожно кивнул:

— Ну, пойдём.

Никогда до этого момента Куку не доводилось стрелять из лука. Но Перко показал, куда вставлять окончание стрелы, как накладывать её на древко, как правильно держать лук и натягивать тетиву. Сам он делал это очень ловко. Стрелы, пущенные им, легко попадали в мишень. Сделав несколько выстрелов, он уступил место Куку.

Тот снял перчатки и бросил их на снег. От волнения пальцы не сгибались, а ладони сделались потными. Сначала ничего не получалось. Стрелы либо описывали короткие дуги и втыкались в снег, либо летели прямо и падали плашмя. Но постепенно дело наладилось.

— Нравится?

Лоб и щеки у Кука горели. Он глянул восторженно и едва кивнул:

— Да, нравится...

Стрелы уже не летели мимо, а втыкались в мишень. Перко отошёл к костру и тотчас вернулся, держа горящую головешку. Кук вложил очередную стрелу и подождал, пока Перко приложит головню к остро заточенному наконечнику. Тот вспыхнул, и Кук спустил тетиву. Описав широкую дугу, стрела стукнулась о мишень. Искры попали на круг, и он загорелся.

— Горит... — обернулся Кук к Перко.

— Да пусть, — махнул тот, — как догорит — перестанем.

Мишень разгоралась быстро. Кук стрелял ещё и еще. Перко стоял рядом, прикладывая головешку к каждой стреле. От костра послышались одобрительные возгласы, хлопки. Мигнуло несколько вспышек фотоаппаратов. Но Кук их не замечал. Не стало вокруг ничего, кроме горящего круга мишени и руки Перко. Он больше не подсказывал Куку, но тот сам чувствовал нужный момент — несколько секунд после выдоха, чтобы тело замерло неподвижно и рука не дрожала. Тогда можно было отпускать тетиву.

Настрелявшись, Кук отошёл к своему костру, не снимая ни шапки, ни куртки, завернулся в одеяло, влез в спальник и крепко заснул. До рассвета оставались считанные часы.

10

РАЗБУДИЛ ЕГО холод. Сладко зевнув со сна, Кук подавился этим холодом, захлебнулся им и, закашлявшись, выскочил из мешка. Поляна напоминала оставленное поле битвы или разорённую деревню, такие Кук видел в фильмах. Слабо дымились кострища, снег был изрыт множеством чернеющих следов. Повсюду валялись большие и маленькие ветки.

У кострищ лежали, присыпанные мелким утренним снегом, тела в спальных мешках. Те, кто уже встал, слонялись вокруг, не пытаясь найти себе ни места, ни занятия.

Перко нигде не было. И спальника его у своего костра Кук, когда проснулся, не увидел.

Он решил подойти к костру общины, чтобы поискать Перко там. Аккуратно обходя просыпающихся, искоса заглядывая в лица, он вдруг увидел Велеслава. Тот спал почти в костре, в куче с остальными. Красноватый отёк — уже второй — наливался у него под левым глазом и обещал перейти в приличный синяк.

Перко был за палаткой общинников. Там же были Вадим, Темнозорь и ещё несколько человек. Судя по всему, обсуждали план уборки территории. Кук хотел поговорить с Перко, поблагодарить его. Но подойти так, да ещё с рюкзаком, он не решался. Постоял немного. Перко заметил его, махнул рукой, но сразу отвернулся. Кук вздохнул, помялся. Очень хотелось домой. Хотелось есть, пить. Он чувствовал слабость и подступающую усталость. Тогда он решился. Помахал Перко и остальным, развернулся и, не

заботясь о том, кто его увидит и что подумает, зашагал к краю поляны.

Кук долго шёл по замерзшему полю к остановке. Автобусы ещё не ходили, и он решил добираться пешком. Пока шёл по дороге, начала болеть голова, а за ней и всё тело. Первый автобус догнал его уже в городе. На нём Кук добрался до вокзала.

Калужская электричка, отправлявшаяся в Москву, уже стояла у платформы, но дверей ещё не открывали. Найдя неплотно прилегающую створку и нажав на неё из последних сил, Кук вошёл в холодный вагон и упал на лавку. На тело накатывали волны жара, в висках стучало. Видимо, поднималась температура. Он сунул руки глубоко в карманы, вытянул ноги и закрыл глаза.

Минут через пятнадцать включили отопление, это стало понятно по тому, как загудело под лавочкой. Ещё через некоторое время двери лязгнули, и вагон наполнился топотом и приглушённым гулом, это вошли первые пассажиры. Кук чуть-чуть приподнял веки. Все лавочки и пространство прохода были заполнены людьми. Он совсем открыл глаза и принялся рассматривать окружающих. Это были обычные люди, невыспавшиеся, плохо позавтракавшие и сейчас едущие на свои далёкие работы.

Кук так увлёкся, разглядывая окружающих, что не сразу понял, что на него тоже смотрят. Смутился и опустил глаза, только сейчас заметив, что куртка и руки были в копоти. Он догадался, что на лице тоже остались чёрные разводы. Но это только развеселило его. Пусть смотрят, подумал и устроился поудобнее.

Электричка вздрогнула, мягко качнулась и тронулась. До Малого Ярославца полчаса езды, можно и подремать. Боль в голове почти прошла, перед глазами расплывались огненные согревающие круги. Это же стрелы, подумал он вдруг, горящие стрелы. И всю дорогу до дома думал только о них — тонких, деревянных, вдетых в тетиву. Перко поджигал их, а он выпускал — одну за другой.